

«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» А.С. ПУШКИНА В СВЕТЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕНИЯ

© 2008 г.

И.С. Юхнова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

yuhnova@yandex.ru

Поступила в редакцию 28.01.2008

Рассматривается коммуникативная проблематика романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: проблема равенства в общении, несовпадения коммуникативных ожиданий, адаптации человека в новой коммуникативной среде. Выявлены сущностные особенности речевого типа, который воплощают собой главные герои произведения. Данный ракурс исследования позволяет по-новому осмыслить пушкинскую антропологию: человек рассматривается не только как социальный, но и как психологический тип.

Ключевые слова: коммуникативная проблематика, пушкинская антропология, типы человека.

Проблему коммуникации как самодостаточную в художественной системе писателя обычно связывают с литературой конца XIX века, прежде всего с прозой Чехова. Так, А.Д. Степанов в «“автономизации” коммуникативной проблематики и ее кардинальном углублении видит “специфическую черту Чехова”» [1, с. 18]. Однако исследователь тут же замечает, что, «безусловно, он не был первым, кто стал писать о проблеме общения. Каждая литературная эпоха ставит свои вопросы в этой области» [1, с. 18].

Актуальными эти вопросы были и для литературы пушкинской поры. В творчестве же самого Пушкина данная проблематика приобретает разные ракурсы. Во-первых, Пушкин воспроизводит существующие речевые типы. Одна из основных оппозиций у него – оппозиция «молчун – говорун», и речевое поведение становится характеристикой психологического склада личности (в современной психологической терминологии эти типы определяются как «интроверт» и «экстраверт»). Во-вторых, Пушкин воссоздает разнообразные модели общения, при этом принципиально изменяет функцию и структуру диалога в литературном произведении.

Одной из значимых коммуникативных проблем у Пушкина является проблема понимания, нарушения и обретения утраченных связей между людьми, ведь следствием разобщения, нарушения контакта становятся барьеры, препятствия в общении, невосприятие чужого слова, чужой жизненной позиции. Это мы наблюдаем уже в романтических поэмах, когда герои (например, Алеко и старый цыган, Пленник и черкешенка) находятся в диалоге: они слышат и воспринимают друг друга, но не принимают позицию другого для себя; их миры проницаемы, но несовместимы. В более раннем произведе-

нии – послании «Городок» – уже намечена эта ситуация, однако там она не мыслится как конфликтная. В стихотворении появляется образ «доброй старушки», в гостях у которой лирический герой «пьет чаек» и слушает «болтовню» о том,

Кто умер, кто влюблен,
Кого жена по моде
Рогами убрала,
В котором огороде
Капуста цвет дала,
Фома свою хозяйку
Не за что наказал,
Антошка балалайку,
Играя, разломал....

Однако его мир принципиально иной – книжный, городской (о чем свидетельствуют и книжная полка, и бегство из столичной суеты). Рассказы старушки его умиротворяют, но этот мир не становится миром героя, он в нем стороннее лицо.

Этот фрагмент «Городка» предвосхищает атмосферу деревенского общения в пушкинском «романе в стихах», но там «болтовня», которая ранее умиляла героя, вызовет у Онегина отторжение, стремление не впустить этот стиль общения в свой дом. В целом же основные проблемы, возникающие в сфере общения в «Евгении Онегине», можно обозначить следующим образом: проблема равенства (равноправия) в общении, несовпадение коммуникативных ожиданий, способность личности к восприятию новых форм общения, адаптации к новой коммуникативной ситуации и др. Мы рассмотрим лишь две из них.

Проблема равенства в общении

Полноценное общение возможно в среде, где существует некое единство, нет неравенства, в кругу, однородном в социальном и интеллектуальном плане. Любая дистанция (когда она начинает осознаваться как дистанция) затрудняет общение, ведет к разладу. Не случайно начальный момент общения, как правило, представляет собой попытку преодоления барьера, нахождения общих точек, перекрестных зон в кругозоре, жизненном опыте людей – это этап установления (обретения) общего языка.

В «Евгении Онегине» человек показан как в естественной для себя среде, так и вступающим в новый жизненный круг. Как правило, в этот момент происходит смена маски. Но это лишь смена внешнего статуса, человек остается прежним, его сущностные личностные качества не утрачиваются. Так происходит с Татьяной, которая из провинциальной барышни превращается в светскую даму. Тот же процесс наблюдаем и в случае с Онегиным.

Онегин по-разному выстраивает свое речевое поведение в петербургском свете и в деревенском обществе. В разных социальных средах он по-разному проявляет себя как общающийся человек. В Петербурге реализуется такая модель речевого поведения, когда учтен светский этикет. Онегин не нарушает его ни на йоту. Но это еще и природный дар общения, которому Пушкин дает определение «счастливый талант» – вспомним авторскую аттестацию:

«Имел он счастливый талант
Без принужденья в разговоре
Коснуться до всего слегка,
С ученым видом знатока
Хранить молчанье в важном споре
И возбуждать улыбку дам
Огнем нежданных эпиграмм».

Акцент в этой характеристике сделан на умеренности, органичности коммуникативного поведения Онегина в разных ситуациях: и в простой непринужденной, ни к чему не обязывающей светской «болтовне», и в «ученом» разговоре, и в общении с дамами. И самое существенное: Онегину в данных обстоятельствах неведомы муки поиска слова; рассчитаны заранее эти «нежданные эпиграммы» или спонтанны – Пушкин не указывает. Они органичны, уместны, показывают легкость Онегина в общении, а главное, действенность его слова, на что указывает реакция слушателей, – слово Онегина достигает цели.

Однако есть и «другой» Онегин – Онегин, не удовлетворенный этим общением, отторгнувший себя от привычного круга, испытывающий потребность в глубоком, уединенном общении, серьезном содержательном разговоре, что, собственно, он и обретает во время прогулок с автором. В данном случае реализуется потребность именно в интеллектуальном диалоге, на это, в частности, указывает Н. Коржавин: «Ему [Пушкину как герою романа, собеседнику Онегина. – И.Ю.] могло вполне хватать Онегина как собеседника – будить мысль и достаточно» [2, с. 164]¹.

Петербургский круг, в который помещает Пушкин Онегина, подчеркнуто интеллектуальный. Тут срабатывает упоминание фамилий реальных исторических лиц, современников Пушкина: Чаадаева и Каверина. Как замечает Г. Макагоненко, «это имена-сигналы: оба они члены Союза благоденствия», но при этом существенна одна деталь: «упоминание Каверина и Чаадаева могло быть понятно только посвященным» [3, с. 139]².

Таким образом, видно, что в Петербурге Онегин естественен, органичен как в бытовом светском, так и в интеллектуальном и политическом общении. В любом случае, в петербургском кругу он – среди равных, даже конфликтует «со своей средой, ...[он] остается внутри нее» [4, с. 49]. Но это общение, при всей его содержательной насыщенности, все-таки задано, нормативно. И Онегин, даже удаляясь от общества, привычного круга общения, эту норму по большому счету не нарушает. Он ведет себя так, как принято, это почти узаконенная модель поведения в среде молодых людей той поры.

По-другому складывается общение в кругу деревенских соседей. В патриархальной среде Онегин позиционирует себя иначе, самой формой поведения отвергает равноправие, создает барьер в общении, нарушая деревенский этикет, все правила, принятые в этом кругу. Однако демонстративное игнорирование обычая не неожиданно в Онегине, а скорее предсказуемо. На это наводит нас комментарий Н.Л. Бродского по поводу слов «нелюдим» и «педант». Одно звучит в письме Татьяны, другое – в авторской характеристике Онегина. В обоих случаях это «чужое слово», слово, которое представляет собой оценку, данную Онегину обществом, в котором он в тот или иной момент своей жизни находится, – это так называемый «общий глас». При всем отличии (одно слово иноязычное, другое нет), оба они обозначают одно и то же. Пушкин так в письме Вяземскому объясняет смысл слова «нелюдим»: «*Нелюдим не есть*

мизантроп, т.е. ненавидящий людей, а убегающий от людей. Онегин – нелюдим для деревенских соседей; Таня полагает причиной тому то, что в глуши, в деревне все ему скучно, и что блеск один может привлечь его». В комментарии Н.Л. Бродский объясняет, что означало слово «педант» в 20-х годах XIX века. Оно применялось в дворянском кругу к людям, которые отличались своим взглядом на жизнь, своими привычками от обычной толпы «большого света» [5, с. 37]. Однако если в столице быть «педантом» становилось модно, это было своего рода нормой поведения в определенном кругу молодежи (Н.Л. Бродский приводит цитату из В.Ф. Одоевского: «Отсутствие педантизма в юноше показывает отсутствие характера, порочную холодность души, которая с ранних лет заражена расчетом и убийственным эгоизмом»), то в деревне это воспринималось как вызов, «невежество» или высокомерие, как нарушение традиции, правил.

Есть еще одна существенная причина, создающая барьеры в общении, – разный культурно-интеллектуальный кругозор Онегина и деревенского круга соседей. Еще Белинский заметил: «...Онегину было дико в обществе Лариных, но **образованность еще более, нежели светскость, была причиной этого** [выделено мной. – И.Ю.]» [6, с. 512]. Аналогичную мысль высказывает Турбин, когда говорит о присущем Онегину «чувстве осознанного превосходства над окружающими» [7, с. 40], которое сказывается прежде всего по отношению к деревенским соседям.

В деревне Онегин демонстративно обрывает возможные контакты. Почему? Он заведомо знает, **что** его ждет, **чем** будет сопровождаться визит соседей. Ему не интересен «благоразумный» разговор, так как Онегин заведомо уверен, что он будет пуст и пошл, не займет его ум, т.е. не удовлетворит его интеллектуальных запросов и потребностей. Не случайно из всего круга деревенских соседей «выбран» Ленский, вчерашний студент Гёттингенского университета. Это общение изначально и принципиально интеллектуальное. И в данном случае Онегину не важно, совпадают или нет их взгляды и убеждения. Не становится препятствием и «вторичность» идей Ленского, их изжитость для самого Онегина. Его привлекает возможность диалога, для него ценен сам процесс спора, полемики, дискуссии.

«Пылкий» и «холодный, охлажденный ум» находятся в диалоге. И этот диалог-спор принципиально не завершен и не исчерпан. Как замечает Пушкин, «Меж ими все рождало споры

и к размышленью все влекло...» «Всё» – не ограниченный набор тем, не выходящих за пределы быта, повседневных забот, а поиск ответов на сущностные вопросы бытия. Его влечет новизна и непредсказуемость в интеллектуальном общении, в то время как деревенские разговоры отвергаются в силу изначальной заданности и исчерпанности. Пушкин делает акцент на эпитете «благоразумный» (разговор), т.е. разговор, не затрагивающий никаких мировоззренчески важных, а значит, и спорных тем.

Интеллектуальной насыщенности в деревенском общении не хватает и Татьяне Лариной. Появление Онегина рождает надежду на заполнение этой пустоты. Собственно, этим и обусловлено чувство Татьяны, о чем говорит Наум Коржавин в статье «Ольга и Татьяна»: у Татьяны было «стремление к духовной, даже к интеллектуальной близости, к общению...» [2, с. 163]. Этого не почувствовал, не понял Онегин. В своем письме к Татьяне он будет корить себя: «Случайно вас когда-то встреть, // В вас искру нежности заметя, // Я ей поверить не посмел...». В этих строчках Ю. Никишов видит «...раскаяние и признание ошибки, причем ошибки непонимания» [4, с. 100]. Можно добавить: здесь раскаяние из-за недоверия к собственному чувству, импульсу, эмоции.

Причина этого не только в самом Онегине, но и в обстоятельствах. Татьяна обращается к Онегину в момент, когда он не готов воспринять обращенное к нему слово. Поэтому Татьяна попытка контакта заведомо обречена на неудачу. Так возникает проблема **несовпадения коммуникативных ожиданий**.

Эта проблема разрабатывается в линии «Онегин – Татьяна». При этом стоит отметить крайне незначительный опыт непосредственного общения героев (по сути, это только два объяснения по поводу невозможности дальнейшего общения, невозможности чувства). Онегин и Татьяна постоянно не совпадают в своих коммуникативных ожиданиях; возникающая у одного из героев потребность в общении постоянно не осуществляется, потому что попытка обращения происходит в момент, наиболее неподходящий, наименее приемлемый для собеседника (Онегин в деревне вроде бы обрел состояние равновесия, научился сосуществовать со своей скукой; Татьяна в Петербурге меньше всего ожидает новой встречи в Онегиным, а тем более его пылких признаний).

Каждый раз, когда наступает момент объяснения, один из героев оказывается неготовым к нему, оно ему не нужно. Инициатор общения жаждет другой реакции, ответного чувства, хочет услышать слово участия, понимания, но не

получает его. Почему так происходит? Причина – и в жизненных обстоятельствах, и в разном внутреннем опыте героев, и в различии их культурного кругозора, и в высокомерии Онегина, но также и в том, что герои воплощают один речевой тип.

Автор говорит о молчаливости, замкнутости Татьяны: героиня живет внутренней жизнью, не выплескивая вовне свои эмоции. Но еще Белинский указывал на подобный же склад характера главного героя: «...Онегин не любил расплываться в мечтах, больше чувствовал, нежели говорил, и не всякому открывался» [6, с. 518]. На общие черты героев указывает Н.Л. Бродский: «Автор чрезвычайно искусно, не подчеркивая это каким-либо особым приемом, рисует образ девушки, сотканной из некоторых психологических особенностей, которыми отличался Онегин: ее самобытность и его неподражательная странность; его хандра и ее уныние; ее мечтательность и его мечтам невольная преданность; он нелюбим, разорвавший связи с соседями,

Гостей не слушает она
И прокликает их досуги,
Их неожиданный приезд
И продолжительный присест.

Его мероприятия, направленные к смягчению крепостного рабства, и ее помещицья филантропия в деревне – все это, не говоря об их уме, сближает обоих героев» [5, с. 121].

Об этом же пишет Ю.М. Никишов: «...Онегин мало зависит от внешних впечатлений: он замкнут в своем внутреннем мире, всегда сосредоточен на размышлении, идущем не от внешнего, а от внутреннего источника» [4, с. 185]; «Для Онегина важнее всего, раскован или скован его ум; внешние обстоятельства для его размышлений несущественны» [4, с. 186]; «Онегин, говоря современным термином, – интроверт: человек, сознание которого ориентировано прежде всего на внутреннюю жизнь; среда, где протекают его размышления, относительно нейтральна» [4, с. 186].

Судьба сталкивает двух людей, которые не стремятся к внешнему самовыражению. Они способны понять друг друга, они, как никто больше, совпадают по общему восприятию жизни, по духовным потребностям, но интровертность, проживание своих внутренних состояний внутри себя не позволяет им найти общий язык, услышать друг друга в тот момент, когда это было возможно. Однако есть существенное отличие в психологическом складе героев: Онегин сосредоточен на себе, в любых кон-

тактах с Татьяной он реализует свои потребности (его решение: продолжить или нет общение с Татьяной – мотивировано только его желанием), в то время как Татьяне интересна личность другого. Отсюда стремление понять «Кто ты?..», «Уж не пародия ли он?»³. Однако открывается Онегин Татьяне не в прямом общении, а заочном: она погружается в его круг чтения, ей интересны не только произведения, которые хранятся в кабинете героя, но и его реакции, оценки на них – она читает «его глазами». Так через литературу Татьяна включается в онегинский диалог с эпохой, временем, самим собой. Неожиданно духовное общение преодолевает расстояние, оно оказывается возможным между героями, но только как одностороннее. При непосредственной встрече коммуникация не удается, возникает тупик. Так коммуникативная проблематика позволяет дать еще один ответ на вопрос, почему отношения героев сложились так нелепо-трагически, на который вот уже почти два столетия пытаются ответить читатели романа.

Примечания

1. Это утверждение может быть оспорено, так как в общении автора с героем перейдена та грань внутренней отстраненности, которая присутствует в интеллектуальном диалоге. Они вынашивают совместные планы, автору Онегин интересен не только как «ум», но и как личность.
2. Я не буду углубляться в этот вопрос, он хорошо прокомментирован исследователями.
3. Подробнее об особенностях речевого типа, который воплощает героиня Пушкина, см. нашу статью: Юхнова И.С. Татьяна Ларина в контексте проблемы общения // Грехнёвские чтения. Сборник научных трудов. Вып. 4. Нижний Новгород: Изд-во Ю. Николаева, 2007. С. 10–14.

Список литературы

1. Степанов А.Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М.: Языки славянской культуры, 2005. 400 с.
2. Коржавин Н. Ольга и Татьяна // Вопросы литературы. 2003. № 5. С. 152–173.
3. Макагоненко Г.П. Роман Пушкина «Евгений Онегин». М.: Художественная литература, 1971.
4. Никишов Ю.М. Поэт, Онегин и Татьяна: Литературоведческие заметки. Тверское областное книжно-журнальное издательство, 1998. 216 с.
5. Бродский Н.Л. «Евгений Онегин» роман А.С. Пушкина: Комментарий. М.: Издательство «Мультиратура», 2005. 352 с.
6. Белинский В.Г. Собрание сочинений: В 3-х т. Т. 3. М.: ОГИЗ, 1948. 928 с.
7. Турбин В.Н. Поэтика романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин». М.: Изд-во МГУ, 1996. 232 с.

PUSHKIN'S «EVGENY ONEGIN» IN THE LIGHT OF COMMUNICATION PROBLEM*I.S. Yukhnova*

A number of communicative problems of Pushkin's novel «Evgeny Onegin» are considered: equality in communication, mismatching of communicative expectations, and a person's adaptation to the new communicative environment. Essential peculiarities of speech types of main characters are identified. This kind of approach permits to interpret Pushkin's anthropology in new way: man is considered as both a social and a psychological type.